

Час кролика почти настал, когда Гуань Сюнь вышел из императорского кабинета, лицо его было серым и суровым, точно железо.

Всё это время ожидавший у дверей Цзян Ван держал в руках тонкую мантию, которую его господин снял перед входом. Гуань Сюнь шёл, низко опустив голову и не сбавляя шага. Следовавший за ним Цзян Ван с ювелирной точностью набросил мантию ему на плечи, пока они вместе держали путь к стоявшей за воротами дворца повозке.

Лицо Гуань Сюня не предвещало ничего хорошего, и Цзян Ван в общих чертах уже догадывался, о чём именно толковал с ним Ли Цзюй.

Перед тем как явиться с докладом к Сыну Неба, Гуань Сюнь специально допросил тюремных надзирателей и выяснил, что накануне самоубийства Хун Ая у него побывал советник Се. Тот предъявил личную верительную бирку императора и официальную печать самого Гуань Сюня, потребовав привести заключённого для тайной беседы. Они проговорили меньше часа, после чего советник Се удалился. Стоило ему уйти, как тюремщики больше не заглядывали в камеру Хун Ая. Когда именно тот наложил на себя руки оставалось загадкой. Вскрытие показало, что губернатор скончался от отравления: ему подмешали медленно действующий яд, после приёма которого человек умирает лишь спустя два дня, непрерывно харкая кровью.

- Яд, несомненно, принёс ему Се Фучэнь, - Цзян Ван принялся покручивать нефритовое кольцо на большом пальце, театрально и преувеличенно сокрушаясь: - С какими же мыслями этот глава ведомства императорских пиров выводил кровью предсмертное послание на своей арестантской робе, размазывая по ткани собственную изрыгнутую кровь? С какими чувствами он столько времени стойко держал удар ради спасения всего своего клана и интересов Сына Неба, чтобы в конечном счёте всё равно получить чашу с ядом?

Вот только на этот раз, хоть он и выгородил тестя императора, наше судебное ведомство подставил под жестокий удар. Заключённый внезапно скончался до того, как его вина была окончательно доказана, скрытые связи не распутаны, а на признании нет его личной подписи и отпечатка пальца, наше ведомство теперь вовек не отмоется от ответственности. Почтенный Фэн Дянь¹, Сын Неба уже давным-давно спит и видит, как бы избавиться от нас. Боюсь, на этот раз он воспользуется гибелью Хун Ая, чтобы развернуть против судебного ведомства карательный поход, и не исключено, что нас попросту вырвут с корнем.

¹Почтенный Фэн Дянь (□□) - вежливое уважительное обращение к своему начальнику по его второму имени (□ - цзы) или почётному титулу, что было обязательным элементом чиновничьего этикета в древнем Китае.

Слова Цзян Вана, как и всегда, резали слух, он определённо не принадлежал к числу людей, способных вызывать симпатию. Собственно, именно из-за этой черты Гуань Сюнь в своё время и продвинул его на должность имперского следователя. Его речи вновь камнем легли на сердце, однако Гуань Сюню приходилось признать: ищейка чертовски прав.

Хун Ай наложил на себя руки после без малого двух месяцев изошрённых истязаний. Гуань Сюнь возглавлял судебное ведомство уже много лет, но этот узник оказался редким, невиданным упрямым: он стоически выдержал едва ли не весь арсенал пыточных орудий императорской тюрьмы, так и не проронив ни единого слова. За свою практику Гуань Сюнь повидал немало прошедших огонь и воду боевых генералов с литыми, железными мускулами, которые не успевали пройти и пары кругов допроса, как уже истошно выли от боли и молили о пощаде. Каким бы человеком ни был этот Хун Ай, его нестигаемый, железный стержень вызывал у верховного судьи искреннее уважение.

Согласно ниточкам расследования, которые удалось раскопать к настоящему моменту, некий таинственный свидетель, пожелавший скрыть своё имя, показал, будто те тридцать тысяч таэлей казённого серебра были преподнесены в дар неким влюблённым щёголем, который страстно добивался расположения А-И из клана Фэн. Вот только к моменту обыска эта девица А-И уже бесследно исчезла. Гуань Сюнь много дней заставлял ищеек идти по её следу, но всё было тщетно, барышня словно сквозь землю провалилась. Наводнившая Жуниин молва о торговке-варварке ху, о которой без конца твердил Хун Ай, тоже оказалась пустым звуком, никто о ней и не слышал.

Стремление Сына Неба во что бы то ни стало отмыть Хун Ая от подозрений было очевидным: он из кожи вон лез, заставляя судебное ведомство провести повторный обыск в поместье Хун, и судя по всему, там уже заранее припрятали фальшивые улики, обеляющие покойного. Кто же знал, что вместо спасительных бумаг ищейки обнаружат в опечатанном частном павильоне Хун целые горы непровержимых улик, изобличающих их в тайном сговоре с врагом и государственной измене. И Хун Ай, который до этого во всё горло кричал о наглom навете, сразу после визита советника Се внезапно признал всю вину, наложил на себя руки и оставил предсмертное покаяние, в котором лично указал на главного зачинщика мятежа.

Гуань Сюнь отродясь не любил расточать лишних слов, предпочитая действовать, но это вовсе не означало, что его разум пребывает в слепоте. Стоило связать все эти разрозненные зацепки и узлы в единую цепочку, и не сообразить, какие бурные, смертоносные течения бурлят за этим делом значило бы признать, что все эти годы он зря занимал пост верховного судьи Поднебесной. Вот только даже понимая всю подоплёку, он был бессилён что-либо расследовать. Точно так же, как он доподлинно знал, каким именно образом его личная судебская печать оказалась в руках Се Фучэня, на этот счёт у него не было иллюзий, но говорить об этом вслух было равносильно смерти.

Борьба между Сыном Неба и Старшей Принцессой уже давно не была тайной при дворе, но теперь она достигла критической точки, когда карты раскрыты и кинжалы обнажены. Дело губернатора Хун Ая о присвоении средств для голодающих, повлёкшее за собой обвинение в сговоре с врагом и государственной измене, относилось к разряду тягчайших преступлений, каравшихся истреблением девяти колен рода. И если поначалу это заставило Гуань Сюня смутно колебаться, то теперь предсмертное кровное послание, написанное Хун Аем ценой собственной жизни, вновь в корне и окончательно перевернуло всю расстановку сил. Выйдя сегодня от Сына Неба, Гуань Сюнь со всей ясностью осознал: отныне грядущий путь всего императорского двора и самого государства Великой Юй более не подвластен воле судебного ведомства.

Вслед за уходом Яо Вэя среди придворных поднялась целая волна отставок: сановники, не желавшие оказаться втянутыми в кровавую схватку за престол, один за другим спешили подать прошения о возвращении в родные края, дабы спасти свои жизни и жизни своих семей. Те же, кто остался, разделились на верную императору фракцию Се и одержимую явными амбициями фракцию клана Вэй. И для таких нейтральных слуг государства, как Гуань Сюнь, которые не желали ввязываться в усобицу и пеклись исключительно о благе Великой Юй и его народа, щель между этими жерновами становилась всё более узкой и удушливой. Теперь даже Гуань Сюнь, который всегда мнил себя непреклонным, честным мужем Поднебесной и стремился быть тем самым прямодушным министром-гогэнем², готовым говорить правителю горькую правду в лицо, не мог удержаться от настойчивого желания бросить дела и навсегда удалиться на покой в сельские края.

²Гогэнь (郭公) – «Гогэнь чжи чэнь», дословно: «министр со стержнем из рыбьей кости». Образное конфуцианское выражение, описывающее идеального, безусловно честного и

непреклонного чиновника. Подобно острой рыбьей кости, застрявшей в горле, его суровые замечания и критика мешают правителю творить беззаконие, заставляя монарха блюсти справедливость.

Предсмертная исповедь Хун Ая неизбежно должна была поднять сегодня на утреннем приёме новую волну кровавой бури. Сколько безвинных душ окажется втянуто в эту бездну и примет напрасную смерть? О том ведать было невозможно.

Гуань Сюнь отрешённо посмотрел на убывающую луну, которая вот-вот должна была скрыться в предрассветных небесах, и испустил глубокий, леденящий душу вздох.

***

В павильоне Хоуцзюньтин у ворот дворца Тайцзи собирались министры и сановники. Ожидая, пока распахнутся парадные двери, они разбились на небольшие кучки по три-пять человек, увлечённо обсуждая бедствие с пограничными беженцами в Суйчуане и военные действия на северном фронте. Верховный Сыту Вэй Лунь и советник Се Фучэнь вошли один за другим, почти след в след, и мгновенно выхватили друг друга взглядами из толпы. Се Фучэнь тотчас явил на лице мягкую, благодушную улыбку и, чинно сложив ладони перед грудью, первым поклонился Вэй Луню:

- Господин Вэй, обычно вы являетесь самым благочестивым и пунктуальным слугой государства, а сегодня изволили прибыть позже обычного. Неужто в пути вас задержали какие-то важные дела?

Вэй Лунь, ни единой чертой лица не выдав своих чувств, ответил безупречным поклоном:

- Куда вашему покорному слуге до ваших титанических трудов, господин Се. Едва вернувшись в Жунин, вы, даже не переступив порог собственного поместья, первым делом помчались в императорскую тюрьму. Истинное звание самого ревностного и неутомимого мужа Поднебесной по праву принадлежит исключительно вам.

Улыбка Се Фучэня ни на миг не дрогнула, он словно и не заметил едкой издёвки, скрытой в словах Вэй Луня. Он лишь мягко заметил:

- Вэй Сыту выказывает столь трогательную и безграничную заботу об этом ничтожном подчинённом, что это глубоко трогает моё сердце.

Вэй Лунь сказал глубоким голосом:

- Вы слишком добры.

В этот миг к павильону поспешил молодой евнух, зычным голосом объявляя о начале утреннего приёма и приглашая министров пройти в зал.

Се Фучэнь с притворной учтивостью уступил дорогу:

- Вэй Сыту, пожалуйста.

Вэй Лунь сказал:

- Пожалуйста, господин Се, проходите первым.

Се Фучэнь не стал больше жеманиться, решительно перешагнул порог павильона Хоуцзюньтин

и первым направился по парадной лестнице напрямиком в величественный зал Тайцзи.

***

Утренний приём начался. После того как придворные хором расточили дежурные хвалы в честь священных добродетелей государя, Ли Цзюй окинул тяжёлым взглядом стоявших внизу министров и сурово спросил:

- Губернатор Хун Ай наложил на себя руки в темнице, оставив предсмертное кровное послание. Что думают об этом благородные мужи Поднебесной?

Инспектор имперского цензората Ван Чжэн из ведомства Юйшитай (палата цензоров) первым решительно выступил вперёд из общего ряда:

- Ваше Величество! До слуха вашего верного слуги дошли вести, что накануне судебное ведомство в ходе обыска обнаружило в особняке Хун неопровержимые вещественные доказательства тайного сговора с врагом и государственной измены. Судя по всему, Хун Ай умышленно наложил на себя руки, страшаясь неминуемой кары и пытаясь ценой своей жизни выгородить и спасти от плахи весь свой родовой клан. Его былое казнокрадство и расхищение средств для спасения голодающих уже само по себе тягчайшее и чудовищное злодеяние, а теперь выясняется, что он втайне якшался с варварами-ху, дабы сокрушить основы нашей Великой Юй! Ваше Величество, подобных лютых предателей ни в коем случае нельзя прощать или миловать! Если мы не распутаем это дело до самого основания, не станет ли это дурным примером для остальных?! И о каком тогда нерушимом законе вообще может идти речь?!

Главнокомандующий императорской гвардией Цзиньувэй Го Ци тоже незамедлительно шагнул вперёд, громогласно выражая поддержку:

- Ваше Величество! На протяжении всей истории Великой Юй каждый мудрый и просвещённый правитель питал глубочайшее омерзение и лютую ненависть к продажным чиновникам. А бывший глава ведомства императорских пиров и по совместительству губернатор Суйчуаня Хун Ай вдобавок запятнал себя грехом государственной измены - это дело требует немедленной и суровой кары! Даже если за спиной покойного Хун Ая стоит фигура, облечённая колоссальной властью и занимающая высочайший пост в империи, Ваше Величество ни за что не должны спускать это дело! В противном случае, как смогут обрести вечный покой души наших доблестных воинов, напрасно сложивших головы на пограничных рубежах Великой Юй?!

Следом за ними один за другим из рядов начали выходить новые министры, шумно поддерживая обвинение. Они наперебой требовали развернуть жестокое следствие, дабы до последнего человека выкорчевать лазутчиков и предателей, ведь только полностью искоренив внутреннюю заразу, Великая Юй сможет успешно отразить натиск внешних врагов Поднебесной.

Чжансунь Яо и Вэй Лунь переглянулись. Стоявшие за их спинами министры тоже выказывали явное замешательство: никто не мог взять в толк, с чего бы это фракция Цинлю вдруг с таким рвением бросилась досконально расследовать дело Хун Ая. Ведь Хун Ай уже мёртв, и если раскручивать это дело дальше, удар неизбежно придётся по главе клана Фэн Куню. Неужто Се Фучэнь вознамерился пустить Фэн Куня в расход вместе с его племянником?

Быть того не могло. Вэй Лунь украдкой поднял глаза на Ли Цзюя: император восседал на высоком троне с совершенно невозмутимым видом, словно погрузившись в раздумья.

Если вспомнить историю с отравлением, то внезапная и радикальная перемена атмосферы во дворце определённо была частью хитроумной стратегии Се Фучэня.

Чжансунь Яо выступил вперёд из общего ряда и после чинного поклона произнёс:

- Ваше Величество! По мнению вашего верного слуги, в сию минуту продолжать следствие по этому делу никак не следует.

Ли Цзюй изогнул бровь:

- О? И по какой же причине?

Чжансунь Яо ответил:

- Сейчас варварские племена заняты весенним выпасом скота, и для нашей Великой Юй это самое идеальное время, дабы перевести дух и восстановить силы. Главнейшая и первостепенная задача на сегодня - это летний сев. Лишь после осеннего сбора урожая, когда окрепнут воины и раздобрют кони, можно будет возобновить карательные походы против четырёх великих варварских племён. Во-вторых, наша Великая Юй три года подряд страдала от жестокой засухи, однако с наступлением нынешнего лета страну внезапно захлестнули яростные проливные дожди, спровоцировав неудержимые наводнения. В Нанья со дня поминовения усопших (дня Ханьши) ливни не прекращаются вот уже больше месяца. Если немедленно не укрепить защитные дамбы, то расположенные ниже по течению уезды и деревни Цинци, Пинцана и других областей будут затоплены водой полностью.

Мужчины и кормильцы из этих краёв в большинстве своём сейчас проливают кровь на северном фронте, и нам необходимо как можно скорее стянуть рабочую силу из соседних уездов на возведение плотин. В противном случае бурные потоки смоят селения, погубят мирный люд, и это жестоко ранит сердца наших доблестных воинов, что бьются на передовой, защищая родину! Если Ваше Величество решит бросить все людские и материальные ресурсы на расследование дела, подлинность которого ещё под большим вопросом, не станет ли это погоней за мелочностью в ущерб главному?

Ван Чжэн сделал шаг вперёд, гневно возражая:

- Почтенный Чжансунь Шаофу изволил рассуждать в корне неверно! А что, если те тайные письма окажутся подлинными?! Это ведь не пара-тройка пустяковых, безобидных записок, перед нами целые стопки документов, изобличающих покойного в секретном створе с вождями племени Чунцинь ради сокрушения Великой Юй! Подобное попустительство и безнаказанность - вот что по-настоящему ранит сердца воинов, погибших на полях сражений! Укрепление дамб, без сомнения, важно, но неужто из-за этого мы не должны своевременно искоренять лютых предателей родины?! К тому же проверкой улики и ведением следствия целиком и полностью займутся судебное ведомство и Палата цензоров. Каким образом это может помешать ремонту речных плотин? Или господин Чжансунь Шаофу предлагает верховному судье Гуаню и советнику Се тоже отправиться на речные каналы таскать землю для дамб?

Чжансунь Яо и Ван Чжэн по праву считались двумя самыми изворотливыми и острыми на язык мужами в центральном аппарате Великой Юй. К тому же, принадлежа к враждующим фракциям, стоило им сойтись в словесной дуэли, как они могли без единой передышки осыпать друг друга взаимными колкостями целых два часа напролёт.

Сановники при дворе один за другим вступали в спор, ведя ожесточённые дебаты и не уступая

друг другу ни пяди. Находившийся в самом эпицентре этого бурного водоворота тесть императора Фэн Кунь вновь проигнорировал утренний приём, а Вэй Лунь и Се Фучэнь хранили абсолютное молчание, опустив глаза и углубившись в созерцание собственных мыслей, выказывая поразительное хладнокровие.

Вэй Луню вся эта сцена казалась довольно ироничной: изначально они сами жаждали как можно скорее обвинить и казнить Хун Ая, но теперь из-за того, что Се Фучэнь внезапно перевернул всю игру и встал на ту же позицию, их собственные ряды оказались в полнейшем смятении. Вэй Лунь украдкой косился на силуэт Се Фучэня, тщетно пытаясь разгадать, какой же скрытый, непостижимый смысл таится за той предсмертной кровной исповедью. Стоит признать, что до сей минуты ему так и не удалось лично взглянуть на то послание, и это...

Пока Вэй Лунь ещё предавался размышлениям, Се Фучэнь внезапно сделал шаг вперёд:

- Ваше Величество, случившееся с главой ведомства императорских пиров ранит сердце вашего верного слуги до глубины души и внушает величайший трепет. Но поскольку Вэй Сыту как раз находится здесь, старый слуга желает задать ему несколько вопросов.

Ли Цзюй отозвался:

- Спрашивай.

В тот самый миг, когда Се Фучэнь повернул голову и уставился на Вэй Луня, Вэй Лунь внезапно всё до конца понял.

Се Фучэнь, чьи руки, сжимавшие ритуальную дощечку-хубань, мелко дрожали, с выражением безграничной скорби промолвил:

- Мы с Сыту служим при одном дворе уже больше тридцати лет и близки как родные братья, но я и представить не мог, что ваши помыслы давно устремились в иную сторону! Вэй Сыту, что же, во имя неба, стряслось за эти годы, отчего ваша верность и стремление поддерживать Великую Юй пошатнулись? Власть ли тому виной, или же презренное золото? Неужто ради них вы отдали тайный приказ вашему личному ученику Хун Аю пойти на сговор с варварскими разбойниками и продать родину ради личной славы?! Мой разум отказывается это постичь! Умоляю Сыту, внесите ясность!

Стоило Се Фучэню закончить эту полную мнимой праведности и неопровержимых обвинений речь, как Чжансунь Яо и всё сборище их союзников резко изменились в лице. Сердце Вэй Луня тоже упало вниз: старый лис Се Фучэнь всё-таки пошёл на него прямой атакой, да ещё и вцепился мёртвой хваткой, не оставляя пространства для манёвра.

В той предсмертной кровной исповеди Хун Ай не просто без остатка взял на себя всю вину за казнокрадство и измену, но и чёрным по белому указал, что пошёл на это чудовищное преступление исключительно под страхом угроз и из-за корыстных соблазнов, исходивших от его бывшего наставника. И этим теневым кукловодом был объявлен Вэй Лунь. Тот самый «близкий человек и высокопоставленный сановник», о котором шла речь, относился вовсе не к дяде Фэн Куню, а к одному из трёх гунов - Вэй Луню.

Хун Ай действительно являлся официальным учеником Вэй Луня: ещё в нежном отрочестве он преклонил перед ним колени, усердно изучая конфуцианские каноны. В те годы Фэн Си ещё не сочеталась браком с Ли Цзюем, Фэн Кунь не величался тестем императора, а сам Хун Ай был всего лишь безвестным, скромным учёным, искренне обожавшим своего учителя. Кто же знал, что за двадцать с лишним лет ветра и облака над столицей сменятся столь радикально. С

тех пор как Вэй Лунь открыто и решительно встал на сторону Ли Яньи в борьбе за верховную власть, Хун Ай, презиравший продажных чинуш и не желавший осквернять себя союзом с мятежниками, полностью оборвал все связи с учителем, хоть они и не заявляли об этом во всеуслышание. Даже сталкиваясь в залах дворца, Хун Ай ни разу не удостоил Вэй Луня прямым взглядом, а Вэй Лунь, само собой, тоже не обращал на него внимания.

Об этих былых узах и нынешней глухой вражде между ними доподлинно знал весь императорский двор, но священный статус наставника и ученика было невозможно вытравить ни из каких реестров. На протяжении стольких лет Хун Ай трудился не покладая рук и упорно молчал, отчаянно пытаясь сорвать со своего имени клеймо человека клана Вэй, но преуспеть в этом ему так и не удалось.

- Юань Бинь, раз уж тебе суждено принять мученическую смерть ради нашего дела, почему бы не утянуть за собой и Вэй Луня? - в ту ночь в сырой и леденящей камере Се Фучэнь ласково гладил Хун Ая по лицу, рука его едва заметно дрожала, а в голосе сквозила безграничная, щемящая тоска. - Когда в грядущие дни фракция Ли Яньи будет стёрта с лица земли, ты предстанешь истинным героем. Твоё имя навсегда останется на страницах летописей, и грядущие поколения Поднебесной будут вечно почитать твою память.

Прислуживающий евнух из ведомства Гэйши хуанмэнь шилан³ швырнул кровное послание прямо к ногам Вэй Луня, и каждое начертанное багровой тушью слово мёртвым грузом отпечаталось в его глазах.

³Гэйши хуанмэнь шилан (郭史宦) - высокая придворная должность чиновника канцелярии Жёлтых ворот, отвечавшего за передачу, чтение и оглашение личных документов и эдиктов Сына Неба высшему совету министров.

Вэй Лунь не ведал, с какими чувствами его ученик перед самым порогом смерти вновь признал его своим «учителем». Тот позорный след, который Хун Ай всю жизнь отчаянно пытался смыть со своего имени, перед лицом гибели он добровольно вернул обратно и всё ради того, чтобы очернить наставника и вместе с собой утянуть его в самые глубины преисподней.

Вэй Лунь поднял взгляд и посмотрел на Се Фучэня, чьи глаза налились фальшивыми слезами скорби. В этот миг в его душе проступило искреннее восхищение врагом: искусство, с которым Се Фучэнь манипулировал чужими душами и ломал человеческие судьбы, заставляло кожу покрываться леденящим ужасом.

Се Фучэнь умышленно не стал выкладывать кровное письмо в самом начале приёма, дабы устроить прилюдную очную ставку. Он сразу заговорил в тоне, не терпящем сомнений в подлинности исповеди, будто факт измены Вэй Луня уже был окончательно доказан и крышка гроба над его судьбой захлопнулась навсегда.

- Вэй Сыту, что ты можешь сказать в своё оправдание перед лицом этих улик?! - зычно прикрикнул Ли Цзюй.

Вэй Лунь пал ничком перед троном:

- Ваш верный слуга отродясь не отдавал Хун Аю приказов вступать в сговор с врагом! Молю Ваше Величество явить мудрость и докопаться до истины!

- Расследование, без сомнения, будет проведено, но для начала мы бросим тебя в императорскую тюрьму! Стража! Взять его и увести прочь!

- Слушаемся!

Это было очевидное, шитое белыми нитками сфабрикованное обвинение. Но абсолютно каждый из присутствующих в зале министров прекрасно понимал: стоит Вэй Луню переступить порог пыточной, и живым он оттуда уже не выйдет.

Дворцовая стража уже ринулась вперёд, дабы схватить гуна. Чжансунь Яо в отчаянии громогласно закричал: «Не умысла ради! Опомнитесь, правитель!», и вслед за ним все их союзники разом пали на колени, истошно взывая к монарху и пытаясь восстановить честное имя Вэй Луны. Но именно этого мига Ли Цзюй и выжидал. Он яростно указал пальцем на Чжансунь Яо и остальных сановников, сокрушительно объявив:

- Дерзость! Мы желаем воочию узреть, кто ещё из вас является сообщником и соучастником изменника Вэй Луны?! Стража! Всех этих пособников, что смеют молить за предателя, немедленно сковать цепями и вместе с ним конвоировать в императорскую тюрьму!

- Слушаемся!

Ли Цзюй наконец-то дождался этого мига: он собственными глазами видел, как одного за другим отсекают и уничтожают подручных Ли Яньи. Ещё несколько дней назад он пребывал в бездне полного отчаяния, полагая, что у него больше нет шансов на победу, и его императорская власть вот-вот будет без боя отдана чужакам. Кто же мог подумать, что Се Фучэнь в мгновение ока перевернёт саму Поднебесную, обратив любую смертельную опасность во благо, и теперь в роли побитых собак оказались Вэй Лунь и Ли Яньи!

Ли Цзюй едва справлялся с судорогой в лице, мышцы губ не слушались его – он был готов прилюдно рассмеяться от торжества. Давайте, Вэй Лунь, Чжансунь Яо, сколько бы вас ни вышло вперёд, я заберу абсолютно каждого. Такова ваша расплата за то, что потакали тирану!

Но как раз в тот миг, когда Чжансунь Яо и всё сборище сановников уже собирались увести под конвоем, Ли Цзюй неожиданно увидел, что в зал Тайцзи величественно вошла сама Ли Яньи.

Ему показалось, будто у него помутилось в глазах. Ещё прошлой ночью, сразу после ухода Гуань Сюня, он отдал строжайший приказ: запереть все до единых дворцовые ворота и ни под каким видом не впускать Ли Яньи в Запретный город. Но моргнув и взглядевшись вновь, он убедился, что перед ним и впрямь стояла Старшая Принцесса. Каким же образом она умудрилась тайно и бесследно, обведя вокруг пальца всю стражу, проникнуть во дворец?

Ли Яньи специально облачилась в официальный парадный наряд Старшей Принцессы, который всегда недолюбливала за избыточную пышность и тяжесть. Вышитые узоры из пятицветных павлинов за её спиной придавали её облику неопишное, леденящее душу величие и священный трепет. Она шла напролом, чеканя шаг, стоявшие у дверей евнухи полностью обомлели от изумления и порывались было преградить ей путь, но были безжалостно оттеснены назад воинами гвардии Хубэнь, следовавшими за ней по пятам.

Ли Яньи даже не удостоила взглядом тех, кто пытался встать на её пути: в её душе была абсолютная уверенность в том, что её личные телохранители сметут любые препятствия. Не замедляя шага, она размашисто переступила порог зала Тайцзи. В зале, где секунду назад царил невообразимый хаос, мгновенно воцарилась гробовая тишина. Ни одна живая душа, включая самого Се Фучэня, и представить не могла, что Ли Яньи осмелится явиться сюда. Какая запретельная, немислимая дерзость!

- Приветствую Ваше Величество, - Ли Яньи лишь слегка наклонила корпус, принципиально

отказываясь бить земные поклоны. Её голос прозвучал твёрдо, без тени подобострастия, и был леденяще спокойным. – Позвольте мне спросить Ваше Величество: согласно священным законам и уложениям Великой Юй, если под подозрение в совершении преступления попадают высшие сановники из числа трёх гунов и девяти министров, кто именно наделён законным правом вести следствие и проверять улики?

Ли Цзюй намертво сжал кулаки. Игнорируя её вопрос, он сокрушительно закричал в ярости:

– Абсурд! Обитателям внутренних покоев гарема строжайшим образом запрещено вмешиваться в дела трона и государственное управление! Какого чёрта ты забыла здесь?!

Ли Яньи парировала удар мгновенно, не дав ему договорить:

– К внутренним покоям гарема относятся исключительно наложницы и фаворитки Вашего Величества. Они не носят священную фамилию Ли, посему действительно не имеют законных прав вмешиваться в дела правления. Однако эта царственная особа носит фамилию Ли, и я твоя родная старшая сестра! Дела в этом суде – семейные дела семьи Ли, я спрашиваю, кто в этом суде более квалифицирован, чем этот дворец, чтобы вести дело?

Ли Цзюй захлебнулся от ярости и едва не подскочил на месте:

– Дерзость! Кто-нибудь! Немедленно Уведите Ли Яньи!

Его громогласный приказ совпал с тихим «Слушаемся», что донеслось из-за тяжёлых занавесей, откуда одновременно раздался голос вдовствующей императрицы Гэн-ши, хранившей до этого полное молчание:

– Кто посмеет тронуть мою Хуай Чэнь⁴?

Этот негромкий, но властный голос вдовствующей императрицы мгновенно сковал весь тронный зал леденящей тишиной. Ли Цзюй едва ли не на физическом уровне содрогнулся, сердце его заколотилось так бешено, словно этот стук эхом разносился под сводами огромного дворца.

⁴Хуай Чэнь (□□) – личное детское/домашнее имя Старшей Принцессы Ли Яньи, по названию её дворцовой резиденции.

Вдовствующая Императрица Гэн, не проронившая ни единого слова в стенах зала Тайцзи вот уже несколько лет, вновь заговорила на утреннем приёме, отчего у стоявших внизу министров на душе заскребли кошки. Послышался едва уловимый перезвон яшмовых подвесок на занавеси и наружу вышла верховная служанка Ван, которая последние тридцать лет неотлучно сопровождала её, бережно поддерживая под локоть.

Вдовствующей Императрице Гэн перевалило за пятьдесят, но благодаря усердному уходу на её лице почти не было морщин, а в высоко уложенной причёске не серебрилась седина. Вот только затяжной тяжёлый недуг, перенесённый в прошлые годы, изрядно подкосил её здоровье, и из-за сильного истощения жизненных сил лицо её казалось мертвенно-бледным. Однако взгляд её глаз оставался безупречно чистым, пронизательным и острым. Она окинула суровым взглядом стоявших внизу сановников и холодно усмехнулась:

– Эта царственная особа ещё жива, а вы уже выказываете такую безудержную, торопливую прыть. Если бы я почил, боюсь, от моей Хуай Чэнь вы бы и косточки не оставили!

Ли Цзюй поспешно склонил голову:

- Сын ваш не смеет и помыслить о подобном.

Министры хором подхватили:

- Ваши верные слуги не смеют.

- На глазах Вдовствующей Императрицы нет ничего, на что бы вы не осмелились! Из-за сущих пустяков вы подняли такой истошный, нескончаемый галдёж. Сын мой, ты выказываешь такую поразительную невыдержанность, как могу я со спокойной душой вверить тебе эти земли и алтари Поднебесной? За моей спиной каждый из вас без умолку твердит, будто Вдовствующая Императрица узурпировала власть и единолично правит двором. Но вы умудрились позабыть, что перед смертью покойный император лично завещал мне оберегать и наставлять юного Сына Неба! Не прошло и десяти лет со дня кончины прежнего Императора, а вы уже в великой спешке вознамерились свести в могилу вдову и сироту?!

В груди Ли Цзюя бурлила и пенилась бешеная ярость, однако он не осмелился в открытую перечить словам вдовствующей императрицы. Пусть она и не была его биологической матерью, она являлась его законной, признанной династическими ритуалами матерью-дыму⁵, пользовавшейся безграничным доверием и любовью покойного монарха, иначе тот ни за что не оставил бы перед смертью судьбу Великой Юй в её руках. Ли Цзюй изо всех сил попытался подавить бушевавшие эмоции и смиренно признал вину перед матерью:

- Матушка-императрица изволит судить справедливо, это ваш недостойный сын проявил слабость и не оправдал надежд.

⁵Законная мать / Дыму (皇后 / 后) - в контексте означает законную главную жену покойного императора. В традиционном Китае все дети, рождённые наложницами, юридически считались детьми главной жены. Она обладала абсолютным сыновним авторитетом над ними, и открытое неповиновение её воле приравнивалось к тягчайшему преступлению против сыновней почтительности.

С выходом вдовствующей императрицы ни одна живая душа больше не смела даже шелохнуться в сторону Ли Яньи. Однако стоявший поодаль Се Фучэнь всё же решился взять слово:

- Вдовствующая Императрица, Старшая Принцесса! На протяжении всех веков и правлений у нас отродясь не заводилось порядков, чтобы принцессы врывались на утренние приёмы и вмешивались в обсуждение государственных дел. И хотя Её Высочество рождена в священных покоях императорского дома, рано или поздно принцессе суждено выйти замуж. Выйдя же замуж, женщина обязана во всём следовать за супругом, и отныне Её Высочество сможет считаться лишь членом семьи своего будущего мужа. Если судить по закону и ритуалу, появление принцессы здесь в высшей степени неприемлемо. Если же судить по чувствам, неужто Её Высочество явилась сюда, дабы лично просить за этого гнусного изменника родины?

- Советник Се, - Ли Яньи высоко вскинула подбородок. Игнорируя бредовые речи, которыми Се Фучэнь умышленно пытался уязвить её гордость, она лишь окинула его косым, презрительным взглядом. - Вести надзор за всеми чиновниками и направлять императорские доносы строго в соответствии с прошениями - ваша прямая обязанность, посему законы Великой Юй должны быть вам прекрасно знакомы. Будьте добры ответить на вопрос, который царственная особа задала минуту назад: если под подозрение в совершении преступления попадают высшие

сановники из числа трёх гунов и девяти министров, кто именно наделён законным правом вести следствие? Или в Великой Юй суровые приговоры выносятся исключительно по одному вашему слову?

Се Фучэнь всей душой желал проигнорировать её, однако, согласно нерушимому придворному этикету, стоило Старшей Принцессе официально обратиться к нему, он не имел права промолчать. Ему пришлось глухо выдавить:

- Ваш покорный слуга не смеет утверждать подобное.

- Неужто в мире осталось хоть что-то, на что бы советник Се не осмелился? - при мысли о том, что этот мерзавец тайно использовал яды, погубив Линь Цюаня и уничтожив множество её доверенных стратегов, Ли Яньи до скрежета зубов исходила лютой ненавистью. А теперь он вознамерился наложить свои грязные когти на Вэй Луня, пытаясь переложить на него грех государственной измены. Поистине, безумные, несбыточные иллюзии!

Ли Цзюй видел, что Се Фучэню неудобно вступать в прямое столкновение с Ли Яньи. Сам он, будучи Сыном Неба, разумеется, обладал высшей властью, а потому заговорил:

- Старшая сестра, здесь находится зал Тайцзи - место, где обсуждаются важнейшие дела государства. Тебе, как женщине, неуместно выставлять себя напоказ и присутствовать здесь, посему удались.

Это было проявлением вынужденной сдержанности со стороны Ли Цзюя. Ведь за спиной Ли Яньи стояла Вдовствующая Императрица Гэн, готовая её поддержать, а за пределами зала находились подчинявшиеся принцессе воины гвардии Хубэнь, которые грозно сжимали в руках обнажённое оружие. Гвардия Хубэнь изначально являлась дворцовой стражей, поэтому им официально дозволялось входить в зал Тайцзи при полном вооружении. В случае прямого столкновения и начала резни Император определённо не получил бы никакого преимущества. Ранее Се Фучэнь уже нанёс принцессе сокрушительный удар, подослав шпионов для тайного убийства её стратегов.

И попытка арестовать сейчас Вэй Луня была бы равносильна тому, чтобы плеснуть ковш масла в и без того яростно полыхающий костёр. Если загнать Ли Яньи в угол и заставить действовать напролом, то, зная её характер, она вполне могла пойти на штурм дворца и силовой переворот. Ли Цзюй всерьёз опасался, что его собственные немногочисленные верные отряды не успеют прорваться для защиты трона, как она убьёт его прямо на месте. Глядя на то, с каким агрессивным и напористым видом она ворвалась на утренний приём, такой исход казался вполне вероятным. Император пребывал в глубокой тревоге, поэтому не смел высказываться излишне категорично.

Ли Яньи произнесла:

- Что в сию минуту важнее: приличия и лицо женщины или алтари Поднебесной и сама Великая Юй? Если бы вся эта толпа министров и полководцев была способна выработать действенные меры для спасения страны, разве усеяли бы дороги кости простых людей? Позвольте мне спросить Ваше Величество: я - твоя старшая сестра, и покуда я не вышла замуж, я до последнего дня остаюсь человеком из рода Ли, но в то же время я - верная слуга Сына Неба. Скажи, так это или нет?

Ли Цзюй бросил взгляд на Се Фучэня. Тот едва заметно покачал головой, то ли призывая его оспорить её слова, то ли умоляя хранить молчание. Но как можно было оспорить очевидный факт? Прежде чем Ли Цзюй успел издать хоть звук, вдовствующая императрица Гэн ответила

за него:

- Моя дочь права, пока мой ребёнок не замужем, она член императорской семьи. Моя дочь носит высокий титул Старшей Принцессы, неужто ей запрещено даже высказать предостережение и дать совет Сыну Неба? Вы, господа министры, из года в год прикрываете собственное бессилие перед лицом стихийных бедствий и варварских нашествий, не способные предложить ни одного толкового решения, зато когда нужно обвинить мою Хуай Чэнь у вас сразу находится целый короб благообразных доводов. Не станем поминать прежние династии, но даже при нынешнем дворе я далеко не первая Вдовствующая Императрица, что присутствует на приёмах и участвует в делах правления. На то была прямая воля покойного императора. Или вы хотите сказать, что и прежний император совершил ошибку?

В зале вновь раздался дружный, покорный гул голосов: «Мы не смеем». На губах Ли Яньи появилась презрительная, издевательская усмешка, и она с прежним апломбом продолжила свою речь:

- Раз уж мы являемся слугами государства, наш прямой долг отдавать все силы благу родины! Мы не позволим честным и преданным мужам страдать от наглых наветов! - она сурово окинула взглядом стоявших вокруг чиновников. - Раз ни один из вас не смеет ответить на простейший вопрос царственной особы, так и быть, я отвечу за вас. Согласно священным уложениям и законам Великой Юй, любые дела, касающиеся высших чиновников рангом выше четвёртого, обязаны вестись исключительно судебным ведомством, а официальное закрытие дела происходит лишь после того, как заключённый лично подпишет признание и скрепит его отпечатком пальца! Гуань Сюнь!

Верховный судья Гуань Сюнь, который до этого момента молча стоял в стороне, тщетно надеясь избежать допроса, был вынужден сделать шаг вперёд. Ситуация казалась в высшей степени сюрреалистичной: Ли Яньи стояла в самом центре зала Тайцзи и вела речь в таком властном тоне, словно сама была действующим монархом, раздающим приказы министрам. Гуань Сюнь оказался в тупике: ответишь - проявишь неуважение к императору, промолчишь - пойдёшь против принцессы. Ли Яньи прекрасно понимала его затруднительное положение, поэтому ей и не требовался его ответ:

- Эта царственная особа будет неотрывно и пристально следить за ходом следствия по делу Сыту Вэй Луня. Если кто-то вновь вознамерится нарушить закон ради личной выгоды, фабрикуя фальшивые улики и клеветца на честных людей, я покараю его без малейшей пощады.

- Ты... - Ли Цзюй резко вскочил с трона. Указывая пальцем на эту дерзкую принцессу, пренебрёгшую любыми рамками приличий, он уже собирался сокрушительно закричать, но Ли Яньи ответила ему столь резким и леденящим встречным взглядом, что готовые сорваться с его губ слова буквально застряли в горле. В этот же миг стоявшие за порогом воины Хубэнь демонстративно положили ладони на рукояти своих мечей, и их хищные, как у волков и тигров, глаза намертво пригвоздили Ли Цзюя к месту.

Краем глаза Ли Цзюй заметил, что Се Фучэнь вновь едва заметно качает головой. По его вискам крупными каплями струился холодный пот. Слегка дрожащим пальцем он медленно перевёл указание на верховного судью:

- Ты... обязан провести самое беспристрастное и доскональное следствие по делу Сыту Вэй Луня. Ни в коем случае не смей кривить душой перед законом, фабрикуя наветы на преданных мужей, но и не проявляй мягкотелости, если перед тобой окажется истинный предатель!

- Слушаюсь, - Гуань Сюнь наконец-то получил легитимный и безопасный повод подать голос.

Ли Яньи с трудом сдерживала жгучий зуд в груди и лёгких, подавляя неистовое желание закашляться, пока смотрела, как Вэй Луня уводят под конвоем.

С самого начала Вэй Лунь не проронил ни единого слова. Он прекрасно понимал, что Се Фучэнь заранее и безупречно сфабриковал все обвинения, и любые ответные возражения окажутся тщетными. Хун Ай мёртв, концы в воду, и в этот раз ему суждено было отправиться в императорскую тюрьму.

В миг, когда его уводили, Ли Яньи смотрела на него глазами, полными с трудом сдерживаемых слёз. Всем своим видом она безмолвно говорила ему: Я непременно вытащу тебя на свободу!

Вэй Лунь же лишь слабо и отрешённо улыбнулся, словно уже полностью перешагнул через страх перед жизнью и смертью.

Вэй Луня увели, но Ли Яньи, провожая его силуэт взглядом, оставалась на удивление спокойной. После вчерашней тайной беседы с Гэн Баем в её душе уже крепло недоброе предчувствие: Се Фучэнь нанёс ответный удар невероятной жестокости. И сегодня она рискнула ворваться в зал Тайцзи вовсе не ради немедленного спасения Вэй Луня, а ради того, чтобы уберечь Чжансунь Яо и сборище преданных министров.

Вокруг неё и так почти не осталось людей. Если бы ещё и Чжансунь Яо сгинул, с кем бы она тогда выстраивала грядущие замыслы? И кто бы смог помочь ей вызволить Вэй Луня и Цзо Сюя?

Покинув зал Тайцзи в кольце плотно окруживших и защищавших её телохранителей, Ли Яньи сегодня праздновала победу. Се Фучэнь действительно вознамерился одним махом выкосить Чжансунь Яо и всю фракцию сторонников клана Вэй. Он и представить не мог, что Ли Яньи посмеет в открытую ворваться на утренний приём, и судя по всему, ради достижения великой цели она была готова растоптать собственную репутацию и совершенно не пеклась о том, что напишут о ней историки в будущих летописях Поднебесной.

Се Фучэнь смотрел Ли Яньи в спину, и на его губах играла зловещая, непостижимая улыбка: Что ж, защищай Вэй Луня, защищай его изо всех сил, а я тем временем посмотрю, как всё остальное будет одно за другим вырвано из твоих рук.

После того как Вэй Луня по ложному навету бросили в тюрьму, Ли Яньи не сомкнула глаз всю ночь, она не спала вот уже трое суток подряд. Едва на рассвете появился первый луч солнца, как отчаянный, встревоженный стук Чжэнь Вэньцзюнь в двери заставил её сердце сжаться от дурного предчувствия.

Чжэнь Вэньцзюнь примчалась с леденящим докладом: Цзо Сюй признал всю вину, и судебное ведомство по обвинению в тягчайшем оскорблении Его Величества уже предало его смертной казни через отсечение головы. Его отрубленную голову в сию минуту вывесили на городских воротах Жунина на всеобщее обозрение, дабы запугать остальных и преподать жестокий урок сомневающимся.

Вернувшись с северных рубежей, Се Фучэнь действовал с беспощадной, молниеносной решимостью, в его груди словно пробудился тигр, долгое время таившийся в засаде и теперь жаждавший со скоростью молнии до последнего человека истребить всю фракцию врага.

Ли Яньи, которую ещё накануне терзали зловещие предчувствия, поспешила к городским

воротам. Низко и глубоко поклонившись отрубленной голове своего наставника, она откупорила кувшин с вином и вылила его на землю:

- Учитель, Ваша царственная воспитанница подносит вам сию последнюю чарку, провожая в ваш вечный путь.

***

- Цзычжо уже ответила?

Дождливая ночь. Ли Яньи распахнула настежь все окна и двери. Вглядываясь в потоки воды, стекающие с черепичной крыши сплошной стеной, она чувствовала, что рана на боку всё ещё нестерпимо ноет. Почему рана, которой давно следовало затянуться, никак не заживает? Ли Яньи была сама не своя от тревоги.

- Пока нет, - ответила Чжэнь Вэньцзюнь.

В покоях находились ещё два десятка советников. Ли Яньи, сидевшая перед ними, хотела подлить себе вина, но обнаружила, что кувшин пуст.

- Как поживает господин Чжансунь? - вид вина невольно заставил её вспомнить о Чжансунь Яо, который так любил выпить.

- Чжансунь Шаофу слёг от болезни сразу после того дня и последние сутки лечится дома, - ответил Линь Юэ.

- А что с наводнением на Юге?

Советник Ван доложил:

- Наводнение в Нанья, Цинцзи и других округах уже унесло жизни более сотни человек. Речные дамбы так и не укреплены, боюсь, впереди новые бедствия. Однако из-за того, что засуха длилась слишком долго, а прорытые каналы успешно отвели воду для орошения, многие простолюдины на Севере твердят, будто это благое знамение, лик святого государя и просвещённого правителя, и всё это благодаря священной милости Сына Неба. За этим определённо стоят козни старого разбойника Се, который умышленно сеет слухи, дабы вернуть императору расположение народа.

Советник не успел договорить и половины, как в покой вбежал гонец и доставил письмо от Вэй Тинсюй. Ли Яньи с нетерпением развернула его, но, дочитав до конца, нахмурилась ещё сильнее.

Советник Цзян спросил Ли Яньи, о чём говорится в послании. У Ли Яньи отчаянно и болезненно забился пульс на висках:

- Цзычжо сказала... Се Фучэнь уже разместил восемьдесят тысяч войск на севере. Он провернул всё это дело прямо под самым носом у Лю Фэна, беспрепятственно приходя и уходя. И теперь, покинув северные рубежи, он не просто притащил с собой первоклассного мастера, способного травить ядами и совершать заказные убийства, его стратегия тайного сбора войск на Севере продолжает воплощаться в жизнь. Стоит миновать осеннему сбору урожая, и под его началом наберётся больше ста тысяч воинов.

При звуке числа «сто тысяч» лица всех присутствующих советников заметно помрачнели.

Проливной дождь, объявленный «благим знамением», арест Вэй Луня, казнь Цзо Сюя, смертельное отравление Линь Цюаня и тайная армия на Севере... Абсолютно всё это тяжёлым бременем ложилось на плечи Ли Яньи, не давая ей сделать и вдоха.

Неужели её судьба исчерпана? Неужели её действительно одолеет один Се Фучэнь?

Она не желала этого принимать.

- Господа, есть ли у кого-нибудь дельный план, способный переломить текущее положение?

Когда Ли Яньи задала вопрос, мрачное, бессильное молчание советников полностью оправдало её худшие ожидания.

- Ваше Высочество, - неожиданно подала голос Чжэнь Вэньцзюнь. Сидя за своим прежним, скромным маленьким столиком, она лукаво захопала своими живыми глазами и произнесла слова, которых Ли Яньи меньше всего ожидала услышать: - На самом деле, решить это дело проще простого.

***

В то время как Вэй Тинсюй получила известия о пленении Вэй Луня и критическом положении Ли Яньи, сама она находилась в городке Гуаньян, что в тысяче ли от Жунина.

Времени не оставалось, и она отдала приказ: немедленно выступить в путь и на предельной скорости мчаться в Жунин.

<http://bllate.org/book/17227/1721817>